

Рефлексия отца-философа

М. Эпштейн «Отцовство. Метафизический дневник». – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 248 стр.

Tagebuch fuer Olga.Chronik einer Vaterschaft. Aus dem Russischen von Otto Markus. Muenchen: Roitman Verlag, 1990, 256 p.

Елена Рождественская

Наверное, философ, который становится отцом, отличен, например, от бухгалтера, ставшего отцом. Первому необходимо привлечение философии, чтобы разобраться в текущих событиях, понять их новый для себя смысл, пропущенный через переживания. Второй будет скорее полагаться на существующую традицию как копилку готовых смыслов.

Перед нами документ жизни – дневник, которомуверяют свои сокровенные мысли. Его тема – отцовство, нечастый сюжет публичной рефлексии (чаще на тему родительства высказываются матери).

Тем более интересно и любопытно познакомиться с отцовским опытом родительски умудренной культуры, который постепенно день за днем разворачивает свои вопросы и дает посильные ответы. Название текста «Метафизический дневник» заранее избавляет нас от подробного умиления деталями приращения младенческого бытия, заведомо разделяемого во всей их полноте только родителями. Это дневник размышляющего отца, меняющаяся идентичность которого от не-отца к родителю становится все более заметной, так как описываемые опыты меняют не только его дочь-младенца, но и его самого. И это – самое захватывающее в процессе чтения. Начав с мифологии младенчества, через метафизику отношений в семье автор приходит к теологии, даже патриодицею как обоснованию отцовства. По мере проглядывания личности в ребенке, в отце также прорастает некто, кто чувствует себя обязанным нести ему / ей свою волю, закон сверхличного. Так из общей любви отца и ребенка возникает два должностования, которые для автора уложены в религиозную традицию, отрефлексированную идентичность еврейской семьи.

Но прежде чем возникнет венчающая опыт отцовства патриодицея, мы пройдем вместе с автором-родителем по закоулкам его личного детства, воспоминаниям прошлого, оптика которого сложна – это «взгляд и туда, и оттуда». Взрослость как утраченное самозабвение и детство как приобретенное самосознание заставляют автора перебирать свои «болевые точки» детства и приходиться к мысли, что родительство – это повод пройти, пережить заново младенчество, детство, отрочество, «прожитые впопыхах». Переживания и рефлексия по поводу разговора новорожденной со своим телом, болезни как ощущения размытости плоти, вовлечение в игру, освоение вещепространства, первый зуб и первый шаг – все эти сюжеты, сохраняя глубокую эмоциональность, становятся поводом для осмысленного продвижения отцовской идентичности.

Для тех, кто увлечен гендерными исследованиями, будет особенно ценен ход размышлений отца о женственности его дочери-младенца, об отношениях дочери и отца. С

точки зрения автора, отцу раскрыта самодовлеющая женственность «в себе», еще до и вне выбора. Его отношение к ней – это агапе, любовь дающая и дарящая. Так как в отцовском теле нет начального места для младенца, отец связан с ним больше волей, чем плотью. Но сам же и отторгает эту враждебную волю криком, приказом, угрозой, впадая в бесконечную последовательность отчуждений. И поскольку выход из этого замкнутого круга – либо насилие, либо смирение, выбирая последнее, автор приходит к религиозной позиции, освященной отеческой волей бога. И хотя размышления буквально дышат любовью, нельзя не отметить особенностей традиционной еврейской семьи, родительское начало которой выступает архетипически в образе отца, детское – в образе дочери, а по отношению к отеческой воле бога все сотворенное является женски-покорным, «тварным». Дневник написан для первенца – дочери, за которой последуют еще трое детей. Существует ли для их матери, не появляющейся на страницах дневника, то пространство метафизического размышления, которому предан отец? Любопытно, что с появлением в его жизни ребенка и соответственно опыта отцовства он замечает, что у него появился, наконец, сюжет. Драматургия его развития логично выводит автора на идеи ухода в расширенное родство, многодетную семью... Пожалуй, философ недалеко ушел от бухгалтера.

Эта книга, безусловно, выигрышна и для тех, кто ее прочитает, и для тех, кто ее издает. Первые найдут параллели личного опыта и изумятся глубине догадок; откроют для себя новое и культурологи, и педагоги-новаторы; философы-постмодернисты и феноменологи обретут возможность окунуться в пласты откомментированных и концептуализированных переживаний. Издатели получают шанс расширения потенциальной аудитории. А так называемый простой читатель испытает колоссальное удовольствие от богатого образного языка, мыслей-находок и просто человеческой искренности.